

*Фирсов Б.А.
библиотекарь ВОУНБ им. И.С.Никитина.*

**«ЗАПИСКИ РУССКОГО КРЕСТЬЯНИНА»
И.Я.СТОЛЯРОВА КАК ИСТОЧНИК
ПО ТРАДИЦИОННОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ
ВОРОНЕЖСКОЙ ДЕРЕВНИ
ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ 19 ВЕКА**

Историческое изучение традиционной народной культуры опирается на богатую традицию исторической фольклористики и этнографии. Понятие «народная культура» обладает определённой универсальностью и носит собирательный характер. В 19 веке многие аспекты жизнедеятельности крестьянской общины и отдельных её членов определяла и нормировала традиционная народная культура. Понять её функционирование возможно только в контексте народной бытовой культуры, являющейся важнейшей частью крестьянского образа жизни.

До сих пор основным источником для изучения народной культуры Воронежской области являются материалы этнографических и фольклорных экспедиций, собранные в 19-20 вв. Часть из них опубликована в местных периодических изданиях («Воронежские губернские ведомости», «Памятные книжки Воронежской губернии», «Воронежская старина», «Филологические записки»), в отдельных сборниках «Народный быт», «Воронежская беседа»,

«Воронежский литературный сборник», «Воронежские народные песни». Другая часть хранится в фондах архивов, музеев и учебных заведений (Архив Русского Географического общества, Российский Этнографический музей, Архив учебно-научной лаборатории «Этнография Центрально-чернозёмных областей России», Архив

кафедры теории литературы и фольклора при Воронежском государственном университете, Архив Кабинета народной музыки Воронежской государственной академии искусств). Дополняют и расширяют наши представления о народной культуре художественные тексты, принадлежащие писателям, хорошо знакомым с бытом воронежской деревни (Н.М.Астырев, Е.М.Милицына, Г.И.Недетовский, А.И.Эртель). Воронежские исследователи в последнее время активизировали разработку литературного пласта свидетельств о народной жизни.

В этом ряду источников несколько особняком стоят «Записки русского крестьянина» Ивана Яковлевича Столярова (1887 – 1953). Они написаны человеком, выступающим одновременно в двух ипостасях – и крестьянина, и интеллигента. Уроженец села Карачун Задонского уезда Воронежской губернии И.Я.Столяров вырос в крестьянской семье, закончил Конь-Колодезную сельскохозяйственную школу, а затем учился в Мариинском сельскохозяйственном училище в Саратовской губернии. Принимал участие в революционном движении 1905 года, после поражения которого эмигрировал во Францию, где получил высшее образование. В 1916 году вернулся в Россию, после Октябрьской революции работал в различных советских учреждениях, с 1928 года в торговом представительстве СССР в Париже. В начале 1930-х годов за отказ срочно вернуться с семьёй в Москву, он был лишён советского гражданства и перешёл на положение эмигранта.

«Записки русского крестьянина» И.Я.Столяров писал в эмиграции до последних дней своей жизни. Их текст отредактировать он не успел. Вся последующая работа по приведению записей в определённую систему, правке текста, составлению примечаний легла на его жену -

Валерию Эдуардовну Столярову. Первое издание на русском языке состоялось благодаря Институту славянских исследований в Париже в 1986 году. Оно было снабжено обширными комментариями В.Э.Столяровой и А.Береловича и насчитывало 202 страницы. На французском языке «Записки» были опубликованы дважды: в 1981 году – парижским издательством «Синтаксис», в 1992 г. – издательством «Пион». В сокращённом варианте «Записки русского крестьянина» вышли в московском издательстве «Современник» в 1989 году (1).

В воронежском краеведении первая публикация об И.Я. Столярове принадлежит литературоведу О.Г.Ласунскому, передавшему в дар Воронежской областной универсальной научной библиотеке им. И.С.Никитина все три парижских издания «Записок», являющиеся библиографической редкостью (2).

В воспоминаниях И.Я.Столярова дана широкая панорама жизни крестьян села Карачун на протяжении последней трети 19 в. Автору хорошо знакомы события, о которых он пишет, т.к. многие из них отражают факты его биографии. Органично включены в повествование рассказы старших членов семьи о прошлом. Своё внимание И.Я.Столяров концентрирует на чувствах и повседневной жизни простых людей, основываясь на собственном жизненном опыте. Проявления народной культуры рассматриваются им в таком широком контексте, что автору удаётся с наибольшей полнотой передать крестьянское мироощущение, объёмно представить «труды и дни» земледельца с его заботами, нуждами, радостями в чередовании праздников и будней. «Записки русского крестьянина» содержат богатейший материал по истории календарных праздников, народных верований,

бытового православия, материальной культуры, местных кустарных промыслов.

Доминирующими направлениями в хозяйственной деятельности жителей села Карачун являлись земледелие и гончарный промысел. Последним занимались практически в каждой семье. В «Записках» подробно описаны технология изготовления керамики, используемые инструменты и приёмы. В трудовом процессе принимали участие все члены семьи. Мужчины заготавливали и обрабатывали соответствующим образом глину, делали формовку и обжигали горшки. Женщины и дети носили песок, смазывали горшки дёгтем. Все рабочие операции производились в избе, поскольку специально приспособленных для этого помещений не было. Реализовывали свою продукцию в окрестных сёлах и городах Задонске, Усмани. Для торговли в Воронеже сельское общество снимало постоянное место. Оплачивалось гончарное ремесло плохо: воз горшков стоил 2-2,5 рубля. Тем не менее, карачунцы считали, что их кормит промысел, а не земледельческий труд. Благодаря регулярным разъездам контакты с городом и городской культурой у местных жителей были довольно частыми. Однако именно в городе крестьяне с особой остротой ощущали правовую, культурную, психологическую дискриминацию, что удалось довольно убедительно передать И.Я.Столярову. В их представлении город являлся средоточием начальства, олицетворявшем рекрутские наборы. Сбор налогов, судебные расследования. Начальству надо было уступать дорогу, снимать перед ним головной убор. Со стороны горожан крестьяне нередко подвергались насмешкам и унижениям, подчёркивавшим их сословную неполноценность. Не случайно по меткому наблюдению И.Я. Столярова, всех

городских покупателей карачунские горшечники называли «барынями».

Красной нитью через все изложение И.Я.Столярова проходит мысль о существовании непреодолимого разрыва между городской (дворянской) и деревенской (народной) культурой, созданного реформами Петра 1. Этот тезис гораздо удобнее было иллюстрировать примерами из жизни карачунцев, а не крестьян соседних сёл (бывших крепостных), по утверждению автора «Записок», более близких по своей культуре к городу. И.Я.Столяровым принадлежность земляков к группе государственных крестьян расценивалась как фактор, негативно влиявший на общий уровень их культуры, язык карачунцев был довольно архаичен, близок к церковно-славянскому. Местный диалект значительно отличался от нормативного русского языка, и это затрудняло не только общение с представителями города, но и понимание грамотными крестьянами текстов, опубликованных в газете, книге, что нередко приводило к утрате навыков чтения, приобретённой в местной церковно-приходской школе. Различия с городом проявлялись и в одежде, и в счёте времени. Горожанин жил по гражданскому календарю, разделявшему год на месяцы и числа. Крестьяне отмечали события своей жизни, основываясь на церковных праздниках. Так, у И.Я.Столярова открытие школы в Карачуне ассоциировалось с днём святого Егория (Георгия), а не с 23-м апреля.

Большое место автор «Записок» уделяет традиционным календарным праздникам, особенно подробно останавливаясь на Рождестве Христове и Пасхе. Культурная общность односельчан проявлялась в характере праздничных торжеств, игр, ритуалов, в обилии еды. К праздникам обычно приурочивали приём гостей. Каждый праздник имел свои особенности.

На Святки (время с 25-го декабря по 6-е января) были распространены гадания на тему судьбы, что обычно подразумевало вопросы, связанные с браком. Об отдельных видах гаданий И.Я.Столяров даёт некоторое представление. Гадания с животными (овцы, куры) предполагали, что по отличительным признакам их внешнего вида, поведения девушки могли определить, какой муж им достанется. Гадание с колосьями преследовало те же цели. Девушке нужно было одной вечером подойти к гумну. Выдернуть зубами стебель колоса и вернуть в избу. Стебли могли быть: 1) совсем без колоса, 2) с колосом маленьким или большим, 3) с колосом полным зерен или пустым, 4) с зернами тяжёлыми или щуплыми. По этому судили, выйдет ли девка замуж в этом году, женится её муж первым браком или вторым, какой у него будет характер и т.д. В отличие от других местностей в Карачуне гаданиями занимались не в крещенский вечер, а накануне Нового года.

Праздничное поведение предполагало активное веселье, шутки, пляски, песни, вождение хороводов. Автор «Записок» отмечает высокую музыкальную культуру родной деревни, хотя из музыкальных инструментов в 1880-е годы здесь были известны только жалейки, свирели и дудки. Первый гармонист появился в 1890-х гг.

Среди молодых девушек, обладавших звучными грудными голосами, особенно было развито хоровое пение. Пели грустные старинные песни, песни, имевшие определённое назначение – подблюдные на Святках (при гадании), величальные (на свадьбах), венчальные, когда готовили невесту к венцу.

Праздничная культура деревни выделялась торжеством коллективного начала. Праздники для молодёжи являлись временем встреч и знакомств, общих игр и развлечений. На Масленицу катались в санях с дугой, украшенной

колокольчиками, на лошадях с убранный сбруей или на салазках с горок. Парни приглашали девушек прокатиться, и отказ мог означать, что девушке нравится парень и, наоборот, согласие выражало симпатию. К календарю религиозных дат и празднеств был тесно привязан сельскохозяйственный календарь, учитывавший цикл сельскохозяйственных работ и регламентировавший всю крестьянскую жизнь. С завершением осеннего сезона, начиная с Введения (4 декабря по новому стилю), взрослые мужчины покидали семьи. Одни уезжали заниматься извозным промыслом, другие – в лес валить деревья. После Пасхи готовились к предстоящему севу и т.д.

Неоднократно И.Я.Столяров подчёркивает особую роль православия в народной жизни. Православный храм наиболее активно посещался в дни церковных праздников, на обычные же службы собиралось всего несколько прихожан. Крестьянин зачастую не знал церковного канона, не мог осмыслить церковных законов и правил, хотя и совершал все необходимые обряды и ритуалы. Редко в крестьянских семьях встречались книги духовного содержания (например, «Евангелие» и «Священная история» в семье И.Я.Столярова). Их обычно читали накануне великих праздников, не всегда понимая и часто не умея объяснить смысл прочитанного.

Чтение религиозных текстов заменяло почитание икон, к которым обращались с просьбами в трудные минуты жизни, перед совершением какого-либо важного действия (будь то трапеза, начало пахоты и т.п.) У карачунцев в каждом доме имелся «красный угол», где помещались иконы. Парадоксально, но при таком распространённом иконопочитании многие не знали молитв, заменяя их отдельными фразами из молитв «Отче наш» и «Богородица Дева, радуйся». Дополнительные краски в деревенское бытовое православие вносило паломничество и

богомольчество. Паломники по обету совершали далёкие путешествия по святым местам, откуда приносили многочисленные иконки, крестики, чудодейственные предметы. И.Я.Столяров называет из центров паломничества и богомолья, где бывали его земляки, Киев и ближайший Задонск.

Обрядовые действия сопровождали всю жизнь крестьянина. В «записках» значительное место отведено описанию похоронной обрядности. Перед покойником необходимо было читать Псалтырь. И.Я.Столяров как чтец, по его собственному выражению, участвовал в похоронах, по крайней мере, 100 раз, и этот обряд был ему хорошо знаком. Гроб («домовину») делали местные умельцы из старых досок. Дно гроба устилали душистым сеном. Чистое тело покойника обряжали в новую, заранее приготовленную одежду, оставляя лицо открытым и в церкви, и всю дорогу до кладбища, так как нельзя было лишать усопшего света. Такое заботливое отношение к телу проистекало из веры, что бранные остатки должны будут предстать перед Всевышним. Своеобразие крестьянского менталитета не всегда учитывалось представителями городской культуры. На этой почве разгорались конфликты, например, с медицинскими работниками, которые в разгар эпидемии холеры в Карачуне во избежание переноса инфекции заставляли родственников класть покойника немедленно в гроб, обрызгивали его тело раствором извести и приказывали прибивать крышку до отпевания и выноса покойника из избы. Эти действия, совершенные вопреки православным обрядам, воспринимались как кощунство и вызывали сопротивление и недовольство докторами. И дело здесь было не только в невежественности и косности крестьян. В шкале ценностей, принятой в крестьянской среде, приоритет был на стороне духовного. Люди преклонных

лет не боялись смерти, воспринимая её как Божие послание, призванное положить конец земной жизни. Важнее было не вылечиться от болезни, а исповедаться и причаститься, то есть подготовиться к смерти.

Бедность или богатство воспринимались не как плод усилий, стараний, труда, а как наказание или дар Божий («Многие живут ещё хуже»). Богатство и репутация, часто совпадая, были понятиями неравнозначными. Об этом свидетельствуют многочисленные факты. Так, чтобы не ударить в грязь лицом, во время обхода духовенством крестьянских дворов на Рождество или Пасху хозяева-бедняки делали даже более щедрые пожертвования, чем зажиточные крестьяне. Больших затрат требовала крестьянская свадьба. Порой семья разорялась, идя на расходы, которых требовала традиция. Стремление изменить её и вообще стремление к переменам расценивалось как неоправданный риск. Присущие крестьянскому сознанию фатализм и иррационализм в немалой степени предопределяли образ жизни, отношение к миру и людям. Рядом с православием сосуществовала вера в чудо, приметы, суеверия. Надежной защитой от нечистой силы у карачунцев считалась свечка с благодатным огнём, зажжённая в Великий четверг и донесенная из церкви непогасшей. Копотью от этой свечки ставили метку в виде креста над входной дверью.

Несколько поверий, бытовавших в Карачуне, было связано с кладами. Считалось, что в предпасхальную ночь клады передвигаются и могут попасть под ноги человеку в виде бегущей чёрной кошки. В эту ночь все заколдованное освобождается от чар и можно прямо руками захватить клады, зарытые в землю. Среди крестьян была широко распространена вера в приёмы бытовой магии. Заболевая, они обычно обращались к знахарям, лечившим водой, «наговоренной» на горячих углях. Наговоренной

шерстяной ниткой избавляли от вывихов, чеснок предохранял от холеры, если его носили в ладанке и т.д.

Важным элементом традиции является материальная культура, создающая среду обитания крестьянина. Благодаря ей вырабатывается механизм приспособления к условиям природного и социального окружения. В «Записках русского крестьянина» этой проблематике посвящено немало страниц. Организующим центром всего уклада крестьянской жизни служила изба. Согласно И.Я.Столярову в 1820-1890-х годах в Карачуне отсутствовали каменные дома, преобладали бревенчатые, крытые соломой и имевшие одно жилое помещение. Пятистенки (избы с двумя смежными комнатами и сенями) являлись признаком зажиточности. Хотя в описываемое время уже существовали дощатые полы, но нередко встречались и глинобитные (земляные). При строительстве жилища учитывались особенности нашего холодного климата. Для сохранения тепла избы окружали с трёх сторон «завалинкой». Она состояла из низкого плетня, доходившего примерно до уровня подоконника. Пространство между этим плетнём и стенками избы наполнялось, «заваливалось» сухим навозом, откуда и произошло название. Отапливались избы «по-чёрному», т.е. без трубы: затопив печку, открывали дверь, и дым выходил на улицу.

В описании И.Я.Столярова интерьер крестьянской избы включает стол, переносную скамью и лавки вдоль стен, прибитые к полу. Каждая из них имела своё название («коник», «передняя»). Их использовали и как кровать, и как вешалку (складывали верхнюю одежду), и как место для хранения кухонной и столовой посуды. Автор «Записок» являлся свидетелем перемен в домашнем освещении. При нём на смену лучине пришли «копчушки» или «светцы», бесстекольные керосиновые лампы. В

крестьянском хозяйстве появилась новая потребность – в керосине, возникла ещё одна нить, связывающая деревню с материальной культурой города.

Очень скупа в «Записках» информация о крестьянском костюме. Она не позволяет судить об особенностях сезонной, праздничной и повседневной одежды, характере кроя, цветовой гамме. Автор ограничивается краткими сведениями о мужском костюме, состоявшем из портков, поверх которых носили рубашки, подвязанные тесемчатыми поясами. Об использовании фабричных тканей для шитья одежды И.Я.Столяров только упоминает, не называя их. Основным же материалом служил холст домашнего приготовления.

Забота об изготовлении одежды входила в обязанности женщин – прядение, ткачество, пошив (кроме верхних тёплых вещей). На мужчинах лежало изготовление обуви. Из верхней одежды перечисляются полушубок, тулуп, поддёвка, халат. В одежде испытывался острый дефицит. Из-за её отсутствия в осенне-зимний период дети часто не могли покинуть дом. Даже по естественной надобности во двор выбегали, надевая лапти, сапоги, одежду старших членов семьи. О высокой ценности одежды свидетельствовало бережное отношение к ней. Мать И.В. Столярова часто отдавала в заклад для получения денег свой полушубок, который одевался редко и поэтому выглядел как новый. Обновки обычно приурочивались к большим праздникам и служили лучшим подарком.

Судя по описаниям И.Я.Столярова, пища крестьянина была достаточно однообразна. В его рационе преобладали продукты растительного происхождения, среди которых важное место занимал хлеб. В Карачуне в отличие от южных уездов Воронежской губернии употребляли чёрный хлеб, т.е. выпеченный из ржаной муки из обрушенного зерна (очищенного от шелухи). Первое

представление о пшеничном хлебе автор «Записок» получил в голодном 1891 году, когда для питания школьников земством была открыта столовая при школе, где он учился. Рожь возили молотить на мельницу, а пшено и гречиху для блинов и блинчиков толкли сами в больших деревянных ступах, а затем просеивали через сито. Пшеничную муку покупали только в большие праздники для приготовления лапши, которой заправляли мясной или молочный суп. Мясо на стол подавалось редко, преимущественно в тех семьях, которые имели скот. Для праздничных застолий было характерно обилие блюд. Помимо лапши подавали студень, несколько сортов говядины, жареную домашнюю птицу, жареного молочного поросёнка, блинчики. Угощали гостей водкой, брагой, квасом.

И.Я.Столяров подчёркивает, что посты в деревне, связанные с определёнными пищевыми запретами, налагаемыми православием, соблюдались строго: не ели ни мяса, ни яиц, не пили молока. Молоко давали только серьёзно больным детям, и то с разрешения священника. Питались же во время поста хлебом, квасом, кислой капустой, постными щами, картофелем и пшенной кашей.

У многих крестьян были собственные огороды. Обычно на них выращивали огурцы, капусту, тыкву, редьку, лук, арбузы и дыни. Капусту, огурцы, арбузы для засола впрок на зиму карачунцы закупали у бахчевников, снимавших в аренду залежные земли или пустоши. Это были в основном выходцы из мещан. Под осень они продавали овощи и фрукты крестьянам окружающих сёл. Капусту – поштучно, огурцы – на меру, а арбузы – грядками. Своих продуктов жителям Карачуна едва хватало до Рождества. Выручало горшечное производство, продукцию которого выменивали в окрестных сёлах на зерно, муку, пшено и картофель. Весной в мае дети рвали

молодой щавель, стебли дикой моркови. Позже появлялись зелёные щи из молодой крапивы, которую вначале обдавали кипятком, а потом мелко крошили. Характер, состав, способы получения и приготовления пищи, описанные И.Я.Столяровым, позволяют раскрыть ещё одну грань традиционной народной культуры.

Большим достоинством «Записок русского крестьянина» И.Я.Стоярова следует считать богатство фактического материала. Разумеется, перед нами не полевые записи этнографа или фольклориста со строгой фиксацией источника информации, стремлением к полноте характеристики того или иного явления и систематизации имеющихся фактов. Автору скорее свойственна избирательность памяти. Он не приводит записей фольклорных текстов, образцов разговорного языка, но созданная им общая картина функционирования народной культуры предоставляет учёному широкое поле для будущих исследований.

Литература:

1.Столяров И.Я. Записки русского крестьянина. – Париж: Синтаксис. - 1981. – на фр.яз.; Столяров И.Я. Записки русского крестьянина // Записки очевидца: Воспоминания, дневники, письма. \ Сост. М. Вострышев. – М.: Современник, 1989. – с.323-484; Столяров И.Я. Записки русского крестьянина \ Русская деревня. – Париж: Плон, - 1992. –с. 25-228. – на фр.яз.

2. Ласунский О. Россия мужицкая. // Независимый курьер. – 1993. – 12 мая.